

ДЕКОРАТИВНЫЕ ТЕКСТЫ

ТЕКСТ
МИХАИЛ ПОГАРСКИЙ

ФОТО
ПРЕДОСТАВЛЕНЫ
АВТОРОМ

В РОССИИ СЕГОДНЯ БУМ КНИГИ ХУДОЖНИКА, НО ЭТОТ ЖАНР ДО СИХ ПОР НЕ ИМЕЕТ ЧЕТКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Кто-то традиционно относит ее к печатной графике, кто-то говорит о ней как о принципиально новом инструменте современного искусства, кто-то видит ее в роли некоего межжанрового проводника, способного апроприировать достижения всех современных арт-практик, а кто-то считает небольшим ответвлением мирового книгоиздательского потока, странной причудой, диковинной книжкой-игрушкой, экспериментом художников или маргинальной выходкой.

И наверное, все эти точки зрения имеют право на существование, поскольку российская книга художника — это скорее не отдельный жанр искусства, а некий многофункциональный феномен, существующий на современном арт-полигоне, художественное движение, собравшее в свои ряды людей с самыми разными интересами и пристрастиями. Из всего многообразия проявлений этого явления мне бы хотелось

выделить роль, которую книга художника играет для реанимации или скорее апгрейда многих жанров, не востребованных современным искусством. Не буду вдаваться в детали ее благотворного влияния на развитие и возрождение многих видов печатной графики, таких как литография, линогравюра, шелкография и монотипия, но остановлюсь подробнее на взаимодействии книги художника и декоративного искусства.

Сто лет назад книга и народные промыслы были в гораздо более тесных отношениях, чем сегодня. Вплоть до начала XX века наряду с крупными издательствами существовали небольшие ремесленные мастерские по изготовлению рукописных книг. Высокопрофессиональные рукописные издания выпускала, например, в течение трех веков знаменитая Гуслицкая артель, специализировавшаяся на переписке и оформлении старинных певческих книг. И хотя таких достаточно развитых промысловых книгоиздательских центров было не много, существовало огромное количество мелких мастерских, где работали художники-самоучки, создававшие настоящие шедевры наивного искусства.

Среди подобных изданий встречаются рукописные книги, сделанные с огромной любовью и священным трепетом, при этом непрофессиональными художниками. В моей коллекции есть один сборник апокалиптических текстов, созданный в то время. При безупречном переплете с деревянными крышками, обтянутыми кожей, и безукоризненной каллиграфии рисунки сделаны явно непрофессиональным художником. На всех страницах сохранилась вспомогательная сетка из квадратов, по которым иллюстратор воссоздавал рисун-

ки. Служебные линии намеренно не стерты, скорее всего из опасения повредить краски и бумагу, а возможно, для того, чтобы подчеркнуть, что это перерисовка и что сохранены древние каноны. Однако несмотря на непрофессиональность, а вероятно, благодаря ей от всех иллюстраций исходит непосредственность детского восторга перед чудом и неподдельный страх перед злом. Любопытно в этой книге и оформление текстовых страниц: каждая глава начинается со штампа с орнаментом, что говорит о несомненном стремлении сохранить традиции, существовавшие в XVII–XVIII веках; а в конце главы текст вписывается в треугольник и, если позволяет место, заканчивается треугольным штампом, что еще раз должно напоминать нам о Троице. Сегодня приемы декоративного искусства используются в книге художника довольно часто. Иногда это необходимо для контраста между современной концепцией и традиционной декоративной техникой исполнения, а иногда, наоборот, тихие лиричные мотивы подталкивают к уютному рукодельному декорированию.

Вот, например, книга-полотно «Женское покрывало», в изготовлении которого приняли участие около 150 европейских художниц. Куратор проекта, итальянская поэтесса и художник Алина Рицци, предложила участницам заняться современным арт-рукоделием и осуществить художественное высказывание на лоскуте ткани 30х30 см. Так возник один из традиционных предметов народных промыслов — лоскутное одеяло, но в данном случае оно превратилось в своеобразный манифест европейского феминистского искусства. По словам сокуратора проекта Эвелины Шац, это покрывало вместе с участницами в метафизическом смысле ткали и Пенелопа, и Афина, и Ариадна, и Пандора, героини античных историй, которые из века в век рассказывали мастерицы, занимаясь своим ремеслом.

На разноцветном полотне из 150 квадратов изображены знаки, символы, слова и вопросы, стихотворения на европейских языках, цветовые абстракции. Есть и два слова «Связанная свобода!» (лоскут Гюнель Юран). Не здесь ли коренится основная суть многоголосого полотна? Свобода самовыражения, связанная лишь нитями.

Диалог связности и связанности находит свое продолжение в «Связной книге» (художники Михаил Погарский и Гюнель Юран). На страницах этой книги — облачка, связанные из обычной пряжи, и трансферная печать, которая переплетает их витиеватой вязью стихотворных слов: «Ткань бытия и нить повествованья/ Пересекутся вдруг — Так возникает книга...»

Необработанный холст подобно ткани бытия пересекается с нитью повествования и в трехметровых страницах-гобеленах Бориса Бельского, на которых методом шелкографии отпечатан остов корабля. Непривычное сочетание материалов и техник квазигобелена выводит эту работу в арт-пространство актуальных художественных поисков. Еще одно пересечение метафизического и визуального у художников из Краснодара Натальи и Павла Мартыненко, которые вышивают Песнь песней на длинной (более 10 м) ленте. Текст перетекает с одного «колеса смысла» на другое, соединяя возможные прочтения канонического текста. И древний библейский текст, переданный при помощи традиционного рукоделия, парадоксальным образом обретает новое современное звучание! В чем же здесь дело? Как происходит такое перемещение на территорию контемпорари-арта? Возможно, дело в интерактивной системе, предусмотренной для прочтения книги, которая представляет собой бегущую строку, столь привычную для зрения человека третьего тысячелетия.

На 4-й Московской выставке-ярмарке «Книга художника» мы осуществили проект «НастУльная книга». Участникам этой арт-акции было предложено превратить обычные табуретки из ИКЕА, разрабо-

танные в свое время дизайнером Алваром Аалто, в «тексто-реты», «табу-бреды», «напольные» арт-истории. И в результате коллективной работы 20 художников была создана «НастУльная библиотека», причем большинство авторов не ограничились приемами традиционной росписи, а стали уходить в «подтабуреточное» пространство, внедряя в него заранее заготовленные тексты. Пожалуй, не существует предмета быта, который художник не смог бы превратить в книгу. Евгений Гриневиц гравировал экзистенциальный текст из Гегеля на фляжке, и каждый глоток из нее призван напоминать читателю о бренности человеческого бытия перед лицом вечности. Владимир Смоляр размещает свой трактат на подушках. Вероника Павленко делает книги на тончайших шелковых шарфиках, на которых запечатлевает свои мысли или стихи любимого ею Германа Луконникова. Она также размещает страницы книги на обычных чашках: строка стихотворения, иллюстрация, и страница книги готова... Бруно Нивер превращает тарелки в маленькие стихопэмы. Антонина Романова-Осипо-

вич валяет книги из войлока. Я, делая из бутылок футляры для книги «Картографика», применял роспись по стеклу, а для «Книги дыр» — выжигание.

Андрей Суздаев вышивал гладь по фотоизображениям ядерного взрыва. Игорь Иогансон использовал приемы резьбы по дереву, вырезая свои стихи на деревянных книгах.

Художники используют при создании своих книг техники декоративного искусства, и на страницах этих книг традиционные техники обретают новые возможности искусства актуального.

